

ИСТОРИЯ

УДК 930.1:1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

А. А. Рзаев, С. Т. Гаджиев

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

INTERPRETATION AND DEVELOPING OF CONTEMPORARY HISTORICAL KNOWLEDGE

A. A. Rzaev, S. T. Hadjiyev

Baku State University, Baku, Azerbaijan

Summary. In present article is attempted to figure out the role and factor of interpretation in formation structure of modern history experience. As the matter of fact interpretation it is the method knowledge which is influence to the general specificity of disciplinary and also at the cultural situation entirely. Interpretation more truly its role incomparable huge and quality of other than in another fields of knowledge is a factor, which constitutes specifically science world of contemporary historical knowledge and experience.

Key words: interpretation; history knowledge; modeling of history situation; prognosis.

Специфика социально-гуманитарного знания формировалась под влиянием того обстоятельства, что этот комплекс дисциплин в силу целого ряда факторов особенно подвержен давлению социума и власти. Посредством актуальной доминанты общество постоянно определяет, в каком знании о себе оно нуждается и какое считает нежелательным и небезопасным для своей стабильности.

Особый интерес для нас представляет как раз это последнее, нежелательное знание. Дело в том, что, хотя и с достаточной степенью условности, весь вырабатываемый социально-гуманитарными дисциплинами комплекс знания можно разделить на три временные модальности. Знание о настоящем, в том виде, в каком его репрезентирует, к примеру, социологическое исследование, благодаря своей актуальности способно вызвать значительную реакцию социума и власти, но объекты такого знания не обладают достаточной фундаментальностью, репрезентируемый социологом аспект ситуации настоящего воспринимается обычно «прагматически» – текущее положение дел всегда видится поправимым и оттого временным.

Еще меньше шансов нарушить спокойствие современного западного общества имеет футурология, и лишь знание о прошлом благодаря своему интуитивно ощущаемому всеми, особо онтологическому статусу справедливо расценивается консервативно ориентированными силами как потенциально опасное, а силы, им противостоящие, с не меньшим на то основанием видят в нем обоснование перемен.

Онтологическая составляющая интерпретаций прошлого привносит в них определенную априорную легитимность, обоснованно оспорить которую массовое общественное сознание не может. Кроме того, интерпретация прошлого часто строится на сравнении, задействуя тем самым такое мощное выразительное средство, как контраст, который мы можем назвать «матерью ясности».

Говоря о специфике познания исторического прошлого, нельзя не затронуть одну немаловажную параллель, позитивная экспликация которой, правда, может привести в область «органического» дискурса. Мы имеем в виду сходство структурирования прошлого индивидуумом и социумом, неспроста ведь их сравнения, особенно

метафорические, являются очень старым и универсальным приемом анализа. Вне зависимости от отношения к «органическому» направлению социальной теории приходится констатировать по крайней мере один момент сущностного подобия. Речь идет о модификации или полном вытеснении социально-исторических аналогов травмирующих воспоминаний, то есть о невовлечении в производство и распространение знания тем, могущих негативно повлиять на «самооценку» социума, способных отрицательно подействовать на базовые исторические стереотипы общественного сознания: сюда же относятся и запреты на реинтерпретацию определенных событий. При этом темп и события, подпадающие под «табу», достаточно часто непосредственно связаны с интересами власти, однако в целом запреты весьма часто поддерживаются подавляющим большинством социума, хотя мотивация различных групп варьируется весьма сильно.

Другими словами, речь идет об универсальной закономерности процессов интерпретации, которая основана в конечном итоге на том обстоятельстве, что в прошлом любого социума таится опасность для его стабильности. История как созданный с большим или меньшим участием власти нарратив далеко не всегда синонимична знанию о прошлом: будучи зачастую во многом суммой политических, педагогических, национально-этнических моментов, исторический нарратив часто просто не отвечает критериям теоретического знания.

Специфика социально-гуманитарного знания проявляется и в том, что непосредственно аффилирована с властью совокупность дискурсов, в частности исторических, является частью ее же способов существования, ее инструментария, а это значит, что такое знание лишено автономии, не имеет достаточно сильного источника саморазвития, не имеет «целей в себе». Отлично оно и от прикладных дисциплин, которые имеют мощную эпистемологическую поддержку со стороны фундаментального теоретического знания – преимущество, которым, к примеру, исторический нарратив не обладает [1, с. 98–111; 2, с.3–32].

Позволим себе заметить, что новейшая история убедительно показала, что используемое для прямого социального контроля знание должно в целях безопасности социума и сохранения самой возможности его прогрессивного развития оставаться в достаточной степени нетеоретическим и неэффективным, понимая в данном случае под эффективностью точное воплощение в социокультурной реальности алгоритмов власти. Синтез инструментального и теоретического небезопасен: будучи даже несостоятельными с научной точки зрения, продукты подобного синтеза способны оказать крайнее негативное влияние на эволюцию общества – на это обстоятельство указывал, в частности, К. Поппер: «хотя тоталитарные измышления несерьезны с научной точки зрения, они очень опасны политически» [3, с. 222]. Интерпретация как способ познания влияет на общую специфику социально-гуманитарных дисциплин и на культурную ситуацию в целом. Глубоко интегрированные в общество структуры институализированного знания транслируют на процессы интерпретации прошлого всю мощь социокультурного давления, по эти же структуры служат проводниками и обратного влияния.

В современной ситуации влияние социокультурной и социополитической доминанты хорошо заметна там, где свобода интерпретации прошлого явно ограничена совокупностью этических запретов, подброженных тем или иным историческим казусом. В отличие от прямого давления власти, не столь мощного в современной ситуации фактора, эти запреты, опирающиеся на массовое общественное мнение, являются тоталитарными по своей сути и весьма эффективными. Ситуация усложняется еще и тем, что общественное мнение не является некоей естественной данностью: в современном так называемом информационном социуме это во многом результат долговременных более или менее продуманных усилий власти.

Интерпретация исторического события, в той или иной степени нарушающая эти нигде не документированные нормы, вызывает реакцию, сравнимую с иммунным объектом органицизма. Впрочем, такие события сравнительно редки; множество барьеров и фильтров, существующих на разных уровнях системы производства знания (а также в системе распространения информации), действуют достаточно эффективно.

Как правило, эти комплексы неявных запретов обязаны своим происхождением крупномасштабным трагическим событиям, при этом элемент трагического используется для обоснования безнравственности нарушения запретов. Учитывая, что в культурном пространстве любое значимое событие существует в форме интерпретации: эти комплексы запретов следует, по-видимому, рассматривать как интегрирование в эти дискурсы защитных механизмов. Препятствуя попыткам реинтерпретации, они тем самым изолируют защищаемое ими событие, способствуют изъятию его из динамики общей эволюции. С течением времени очевидный культурный анахронизм защищенной таким образом интерпретации, нарастающее несоответствие инкорпорированных ею этических норм, ее эстетики – они ведь часть «зримой авансены истории» [4, с. 258], – все это провоцирует новые и новые критические атаки. Поскольку нет никаких свидетельств превращения подобных запретов в устойчивую культурную норму, исход подобного противостояния вполне предсказуем.

В чем же глубинный смысл этой нетерпимости к табуированному прошлому? Может ли подобное отношение иметь философское толкование? Приблизиться к пониманию в данном случае можно через анализ ситуации исследователя, и в этом случае мы можем говорить об онтологическом характере данной проблемы. Исследователь-интерпретатор равновелик собственной экзистенции, для которой бытие в качестве познающего субъекта конститутивно, и поэтому любое внешнее ограничение, наложенное на процесс познания, приобретет характер угрозы его осуществлению. Таким образом, преодоление ограничений является для агента познания борьбой за пространство собственного развития.

В целом социополитическая сфера общества нуждается в знании специфическом, социально адаптированном [5, с. 186]. Интерпретации событий прошлого должны быть взаимосогласованными, образовывать в своей совокупности сильную систему актуального предания общества. На практике создание такого нарратива-монолита невозможно, но стремление приблизиться к этому состоянию характерно для любой власти. Сопротивление этому стремлению было и остается важнейшим элементом культуры Запада, причем суть сопротивления заключается не в прямом отрицании, а в создании альтернативных дискурсов. Эффективное сопротивление унифицирующим интенциям власти может быть только креативным по характеру, то есть акт творческий.

У Советской власти была возможность регулировать процессы толкования прошлого простым способом ограничения доступа к источникам информации. Закрыв, например, архивы, можно было предотвратить появление нежелательных интерпретаций или, по крайней мере, снизить их доказательную силу: ведь исследователь, в отличие от художника или идеолога, нуждается в признанных достоверных источниках. Нужно заметить, что чем бы ни были оправданы мотивы, подобная практика являлась, по сути, экспроприацией. Она посягала на исторический капитал общества, лишала его возможности критически корректировать свою эволюцию. Следует, однако, отметить, что далеко не всегда полнота исторического дискурса обусловлена каким бы то ни было влиянием власти. Достаточно часто причиной подобной недостаточности, могущей восприниматься даже как определенная тенденциозность, является неспособность или неготовность автора выйти за пределы сложившихся в культуре рефлексивных парадигм.

В связи с отмеченным представляют определенный интерес исторические работы того периода. В них особенно сильно проявляется характерная для интерпретации как способа познания зависимость от господствующей политико-идеологической доминанты. Возьмем, к примеру, фрагмент из типичного текста этого периода, монографии Н. Молчанова «Генерал де Голль». И так, де Голль без колебаний взял курс на союзнические отношения с СССР. Причем, сотрудничество с СССР устанавливалось быстрее и проще, чем с Англией и США [6, с. 168]. Нельзя не отметить самостоятельность определения «без колебаний»: была ли у де Голля в его тогдашнем положении (а речь идет о 1941 году) сама возможность произвольного выбора союзников? Далее, автор, имея ввиду историю отношений двух стран, пишет: «Ведь интересы СССР и Франции непосредственно нигде и ни в чем не вступали в противоречие» [6, с.168]. Даже по одному этому тезису мы видим, что из горизонта интерпретации исторической ситуации изъято все, что может помешать движению к заранее поставленной цели, а именно обоснованию происходившего в момент написания работы сближения политики СССР и Франции. Несмотря на вышеуказанные обстоятельства при изучении феноменов исторического прошлого не существует альтернативы интерпретации. Такие, весьма отличные по своей логике приемы создания дискурса, как, например, описание и схематизация, могут быть непротиворечиво объединены только в рамках единого интерпретативного проекта.

Кроме того, особенностью социально-гуманитарного знания в целом является доминирование значимых качественных переходов [7, с.59], экспликация которых требует особого арсенала средств. Этот примат качественного неизбежного ведет к определенному изменению баланса в пользу синтетических и креативных методов познания.

Говоря о специфике создаваемых современной исторической наукой дискурсов прошлого, нельзя обойти вниманием проблему так называемой исторической дистанции. Сама постановка проблемы, как нетрудно заметить, базируется на некоторой абсолютизации границ события, то есть на искусственном вынесении его из собственного ряда и из процессов реальности вообще. Связать хронологическое состояние элемента создания интерпретации от соответствующего события со степенью ее объективности не представляется возможным. На примере интерпретаций событий, связанных с генезисом христианской или мусульманской религии (вспомним, например, сопровождающуюся кровопролитием борьбу шиитов и суннитов), хорошо видно, что все обычные дискурсы прошлого, вне зависимости от их хронологической удаленности подвержены опасности интенциональной, вернее интеринтенциональной трансформации.

Интерпретация как процедура мышления – это многостадийный диалектический процесс, она не поддается стандартизации и последующей классификации в рамках той или иной метатеоритической модели описания методов познания. Интерпретация является формой интеграции различных ситуативно варьирующихся методов в едином проекте толкования исторического феномена: только она способна уберечь объект от искажающей знание события прошлого произвольной реконфигурации его на комплементарные той или иной стратегии фрагменты и обеспечить тем самым смысловое единство итогового дискурса. Интерпретация прошлого вследствие темпоральной внеположенности своего объекта является инцинируемой выбором разума актуализацией смысловой ипостаси исторического события в горизонте настоящего – будущего. С онтологической точки зрения центральным событием акта интерпретации является порождение сознанием иного своего объекта, и это иное никогда не копия феномена; создаваемая познанием ноуменальная модель необходимо инкорпорирует особенности его личной креативности и личного духовного

опыта. Поэтому любое историческое исследование является достаточно автономным проектом.

Можно сказать, что такие обобщающие контексты, как «парадигма» или даже «исследовательская программа» имеют применительно к этой области познания наибольшую степень условности. Пожалуй, единственно вполне определенную парадигму (скорее, целую «метопарадигму» – ввиду существенного влияния экстра-теоретических факторов) трактовки исторического породил марксизм, что свидетельствует, однако, в первую очередь о невероятной редуцирующей и гомогенизирующей силе этого учения. Можно сказать, что продолжающийся отход от навязанного позитивизмом понимания интерпретации как вторичной и операционной вспомогательной процедуры контекстуальной адаптации дискурса свидетельствует о переходе исторического знания в постнеклассический период своего развития. Именно интерпретация как креативная в своей сути альтернатива схематизации, рвущей связи явлений и возникшая благодаря ей особая культура познания и есть то главное, что отличает познание исторического прошлого, выражает его специфику.

Имманентно присущая подлинной интерпретации способность к производству максимально целостных, противящихся попыткам произвольного фигурирования вдоль линий «свое – чужое» дискурсов, в наибольшей степени способствует тому, что она постепенно занимает центральное место в процессах, обеспечивающих связь социума с прошлым. Многие современные тенденции в историографии, например, постепенный и сопровождающийся острыми общественными дискуссиями отход от манихейских по сути и позитивных в своей логике подходов выделения в прошлом сил абсолютного зла и добра вызваны, с нашей точки зрения, все большим осознанием подлинной роли и возможности интерпретации.

Интерпретация, вернее ее роль, несравненно большая и качественно иная, чем в других областях знания, является тем фактором, которой конституирует специфичный научный мир современного исторического знания.

Библиографический список

1. Визгин В. П. История и метаистория // Вопросы философии. – 1998. – № 10. – С. 98–111.
2. Ойзерман Т. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 3–32 и др.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания // Поппер К. Избранные работы / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – С. 222.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. – М.: Мысль, 1993. – т. 1. – С. 258.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1993. – С. 186.
6. Молчанов Н. Генерал де Голль. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 168.
7. Некласе А. Трансмутация истории // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – с. 59.

Bibliography

1. Vizgin V. P. History and meta-history // Questions of philosophy. – 1998. – № 10. – P. 98–111.
2. Ouzerman T. Materialist conception of history: the pros and cons // Questions of philosophy. – 2001. – № 2. – P. 3–32, etc.
3. Popper K. The logic of scientific discovery // Popper K. Selected works / Trans. from English. – Moscow: Progress, 1987. – P. 222.
4. Spengler O. The decline of Europe. Essays on the morphology of world history: In 2 volumes – Moscow: Mysl, 1993. – V. 1. – P. 258.
5. Levi-Strauss C. Structural anthropology. – Moscow: Nauka, 1993. – P. 186.
6. Molchanov N. General de Gaulle. – Moscow: Foreign relations, 1975. – P. 168.
7. Neklasse A. Transmutation of history // Questions of philosophy. – 2001. – № 3. – P. 59.